

Надя Вафф

ПРЫЖОК В НЕБО

Пролог

Чувство беспокойства сидело занозой внутри Димки ещё со вчерашнего вечера. С того самого момента, как он услышал в телефонной трубке своего навороченного мобильного тихий Светкин голос: «Я не сдала». Это означало — конец. Почему-то сразу на ум пришла сцена из кино про Штирлица, где сутулый агент Плейшнер неспешной походкой заходит в дом, забыв о предосторожности и даже не заметив цветка на окне. Димка отмахнулся от этой мысли, как от назойливой мухи, но гулять ему разом расхотелось, и он решил вернуться домой.

— Пока, пацаны, — Димка махнул рукой на прощание.

— Опять трухаешь, Димыч? — язвительно отозвался на его «пока» Ас. — Так и скажи, что слабо тебе с моста порхнуть.

— Ты чего, Димас? — Лёха догнал друга и вцепился ему в куртку. — Сейчас Лилька подкатит. Тебе надо ловить момент. Потом когда ещё сможешь перед ней покрасоваться? Или реально трусишь? Не бойся, всего-то делов — с моста на

вагон сигануть.

Димка не ответил на уговоры друга, и пошёл прочь от железнодорожной станции по мокрому тротуару. Спускаться в метро не хотелось, поэтому решил добираться до дома пешком. По пути вспоминал.

Всё началось в тот пасмурный июньский вечер, когда шаги родителей, спешащих на отдых в «тёплые страны», смолкли в подъезде. Светка, старшая Димкина сестра, выглянула в окно, помахала невидимым папе и маме рукой, и взволнованно проговорила:

— Наконец-то! Я уж думала, что они никогда не уедут. Я сейчас, скоро!

— Ты куда подалась? — Димкин вопрос разбился вдребезги о захлопнувшуюся за сестрой входную дверь.

Светка вернулась буквально через несколько минут, бережно прижимая к груди маленького пищущего котёнка. Подошла к дивану, стоящему в гостиной и скомандовала:

— Плед давай. Стели его вот сюда и музыку сделай потише, оглохнуть можно.

— Ты где котёнка взяла? Он же грязный весь, и глаза у него... Фу...

— Это девочка, её выбросили злые люди на дорогу под дождь, — Светка сюсюкала над

котёнком, потом повернулась к Димке. — Тащи тёплую воду, марганцовку и ватные диски. Сейчас мы глазки ей промоем...

Димка не стал спорить с сестрой, пошёл в ванную за водой и медикаментами. Когда вернулся, Светка сидела на ковре, расстеленном на полу, и гладила котёнка по голове.

— Давай, — скомандовала сестра. — Будешь помогать. Сначала раствор марганцовки сделай слабенький, а потом, пока я ей буду глаза промывать, ты молока разведи водой. Всё понял?

— Свет, а она чего, теперь у нас жить будет? А вдруг она того, в смысле всё обгадит? А предки когда вернуться, они же нас убьют...

У Димки было бесконечное количество вопросов, но Светка его оборвала:

— Не могу я её бросить, Димасик, понимаешь? Она же совсем маленькая, не выживет самостоятельно. Я её уже неделю выхаживаю, мне баба Поля вахтёрша помогала. Я Баську у неё в подсобке прятала. Но бабе Поле завтра смену сдавать, так что больше у нас убежища нет. Да, моя хорошая? — Светка потрепала котёнка по голове. — Завтра мы с ней домой поедем.

— Это куда?

— Я мотанусь быстро в деревню, пока предки на курорте. Если чего, прикроешь? А хочешь, ещё секрет расскажу? — Светка расплылась в

улыбке. — Я на работу устроилась в ветклинику. Буду работать вечерами.

— А когда отец узнает? — спросил Димка, но Светка только пожала в ответ плечами.

Димка часто не понимал сестру: «Чего бунтует?» Денег на карманные расходы отец никогда не жалел. Светкину учёбу в универе оплачивал. От них с сестрой требовалось-то совсем немного: копить знания и не перечить родителям. Так ведь нет, Светка вбила себе в голову, что должна посвятить жизнь братьям нашим меньшим, и плевать ей хотелось на журналистику. Теперь вот ещё и на работу устроилась. К чему ей всё это?

Отец, конечно же, узнал о Светкиной тайне. На удивление не стал громко возмущаться и читать нотации, только поставил условие — диплом журналиста дочь должна получить. Светка согласилась и... завалила экзамен.

Дома Димку встретил угрюмый отец. Он специально громко шелестел газетой, как бы заранее предупреждая, что свежая новостная колонка для него сейчас это самое главное в жизни, и что не дай бог никому отвлечь его от чтения. Мать гремела посудой на кухне. Время от времени её шаги замолкали, наступала тишина, потом всё начиналось сначала. Димка хотел зайти к сестре, но дверь в Светкину комнату была закрыта. Он не стал

стучать или звать, решив, что будет лучше дождаться утра, когда родители разъедутся по делам. Почти неслышно, словно приведение проскользнул мимо гостиной и кухни, закрылся у себя в комнате. Хотел было включить музыку, но вспомнив поговорку, что не надо будить лихо пока оно тихо, взял учебник ОБЖ и нырнул в кровать, подумав при этом: «Вот скажи мне кто, что проведу вечер за изучением темы «Как вести себя в лесу», ни за что не поверил бы».

Утром проснулся ни свет, ни заря. Долго лежал в постели, не открывая глаз и слушал звуки за стеной: мать с отцом о чём-то негромко разговаривали на кухне. Голоса сестры слышно не было, и Димка продолжал лежать в кровати, делая вид, что спит. Когда же входная дверь за родителями захлопнулась и в квартире воцарилась тишина, Димка опрометью бросился в комнату сестры. Дёрнул за ручку, дверь, как и вечером, оказалась закрытой. Не совсем понимая в чём дело, тихонько позвал:

— Светка...

— Чего тебе, Димасик? — голос сестры был тихим и очень спокойным, по крайней мере, ему так показалось.

— Дверь-то открой, предки свалили на арбайтен.

— Эх, — послышался Светкин вздох, — если

бы это от меня зависело. А так...

— В смысле «от тебя»? Рассказывай, чего вчера тут творилось, пока меня не было.

— Да так... — было слышно, как Светка подошла к двери и опустилась на пол с другой стороны, — ничего нового. Всё, как обычно. Ну, разве только то, что отец попытался меня ударить. Хотя, может и не ударил бы вовсе. Он замахнулся на меня, Димас. Я так испугалась, я первый раз в своей жизни испугалась родного отца, представляешь?

— Орал? — Димке показалось, что сестра сейчас расплачется.

— А как же? Ещё как орал. Замолчал только после того, как я пригрозила из дома уйти.

— Нифига себе, сеструха. Ну, ты жжёшь.

— Да я и сама от себя не ожидала. Как-то само собой вырвалось. Отец сразу замолчал. Зато у мамочки просто истерика приключилась. Она мне столько гадостей наговорила в бешенстве. Я, недолго думая, к себе слиняла, а она сама с собой бушевала на кухне. Когда ураган стих, я подумала, что обошлось. Только, не тут-то было. Сижу за компом, слышу — ключ в скважине бряцает. Сначала до меня не дошло что к чему, поняла только, что я «кавказская пленница», когда материн голос услышала. Короче, велела она мне с работой распрощаться и сказала, что выпустит только после

того, как я одумаюсь и покаюсь. Вот такие дела, братишка.

— Светик, — Димка поглядел на часы, громко отсчитывающие каждую минуту его опоздания в школу, и заговорщицки прошептал, — я с тобой. Ты же знаешь, что я, чтобы ни случилось, всегда за тебя. Мы обязательно что-нибудь придумаем. Ты только дождись меня. Не предпринимай ничего, пожалуйста. А хочешь, я вообще в школу не пойду? А хочешь, мы сломаем на фиг эту дверь? Вынесем её в лучших традициях старого доброго Рембо.

— Ой, Димасик, иди лучше. Не хватало ещё, чтобы предки и по тебе проехались. Лучше пятёрку получи по какой-нибудь дисциплине. Сделай родокам приятное, а уж я как-нибудь сама выберусь.

Димка не стал спорить с сестрой, потому что она всегда была у него в авторитете. Он всегда верил ей, как самому себе, знал, что она его не обманет и не подведёт. Так было и в этот раз. Светка действительно всё решила сама. Без всякой посторонней помощи она смогла освободиться из своей «тюрьмы». Она вышла в окно...

Сегодня, сейчас, сидя на уроке физики, Димка ещё ничего не знал о той трагедии, которая уже произошла в его семье. Родители его не оповестили о случившемся, решив, что он ещё маленький. Вот только острое чувство беспокойства за сестру,

зародившееся утром в его душе, не проходило. Всё разрешилось после занятий. Выйдя из школы, он, ещё стоя на пороге, увидел машину отца, припаркованную на школьной стоянке. Водитель дядя Боря, помахал Димке рукой, подавая знак, что ждёт его. Димка даже обрадовался тому, что не придётся добираться до дома на общественном транспорте. Когда машина рванула с места, дядя Боря заговорил первым:

— Я тебя сейчас домой отвезу, мать велела. На словах просила передать, чтобы ты сегодня вечером дома побыл. Ужин я в пиццерии купил, так что с голода не помрёшь. Они с отцом тебе сами отзвонятся.

— Случилось чего, дядя Боря? — у Димки ёкнуло в груди.

— Сестра твоя из окна, как бы тебе помягче сказать, вывалилась, — ответил водитель после недолгого молчания. — Мне тебе говорить об этом не велено, но, я же знаю, что ты меня не подведёшь. Так ведь?

— А Светка... она... — Димкин язык метался между словами «жива» и «умерла», хотя он не мог допустить и мысли, что его обожаемая сестра вообще может умереть.

— Всё нормально, — успокоил его дядя Боря. — Она же у нас боец, выкарабкается обязательно.

— Тогда мне нужно к ней, — сказал он твёрдо. — Она в какой больнице?

— А вот этого брат, я тебе точно не скажу. У меня двое детей, мне их кормить надо. Сам подумай, если я сейчас, наплевав на все запреты начальства, тебя в больницу доставлю, оставит меня твой отец на работе, или уволит завтра же? Как думаешь? Так что посему, придётся тебе вечерок дома коротать.

Больше не разговаривали, лишь только скудное «спасибо» было обронено Димкой, когда водитель вручил ему пакет с ужином, и такое же скудное «пожалуйста» услышано в ответ. Войдя в квартиру, Димка первым делом бросился в Светкину комнату. Там царил беспорядок: дверь распахнута настежь, неприкрытая постель, вещи сестры, разбросанные повсюду. Димка сел посреди комнаты прямо на пол и слёзы потекли по его щекам. Подумал было: «Реву, как девчонка». Но слёзы не подчинялись ему, сами катились из глаз, и он смирился со своей слабостью.

Из этой пустоты небытия его вырвал звонок городского телефона. Он зазвонил вдруг, и так неожиданно громко, что Димка вздрогнул. Это было сравнимо с холодным душем, по утрам, приводящим вялый сонный организм в чувство. «Вдруг из больницы?» — подумал Димка, и мгновенно поднявшись с пола, почти вприпрыжку

добежал до звонившего на всю квартиру телефона.

— Алло, я вас слушаю.

— Ань? — спросил на том конце тихий голос.

— Мамы дома нет, — ответил Димка. —

Что-то ей передать?

— Митька, ты что ли? — снова спросил голос.

— Я, — Димка ничего не понимал. Он хотел уже положить трубку, но что-то остановило его, и он спросил: — А вы кто?

— Ну, если ты Митька, то, зная, я дедом тебе прихожусь. Я чего звоню-то, Митька? Ты Анютке передай, пусть все дела отставит, да придет на свиданку к матери своей. Это не моя прихоть, Валюша сама меня позвонить попросила. Да пусть не мешкает дюже. Плоха Валюша, боюсь, что долго не протянет.

— Передам, — выдохнул Димка.

— И Веточка пусть обязательно приезжает, Валюша её особенно ждёт. Ну и, сам, конечно, тоже приезжай. Не жди отдельного приглашения. Мы вам всегда рады. Только не годите.

— Ладно, дед, я всё передам, — пообещал Димка.

Трубка захрюкала, потом в ней раздались короткие гудки. Димка вернулся в комнату сестры, хотел было снова присесть на пол возле кровати, но неведомая сила силком тянула к окну, и он

решился. Выглянул во двор, осмотрел его с высоты пятого этажа и вдруг представил себе Светку, лежащую там внизу, на асфальте. Попятился назад, при этом его напряжённый мозг молоточком долбил один единственный вопрос: «Зачем? Почему? Ну, не из-за того же, что предки её в комнате заперли? Не может такого быть! Должна же быть причина более серьёзная». И вдруг Димку осенило: «Записка. Она же могла оставить записку. Надо искать...» Он бросился к письменному столу сестры и начал выдвигать ящики один за другим. Тетради, конспекты, казалось, что больше там ничего и нет, но из одной толстой папки с фотографиями на пол выпал потёртый листок. Димка поднял его с пола, впился в него глазами: «Вы верите в Бога? Каким вы его себе представляете? Существует ли Вечная жизнь?» Димка оторопел. Трясущимися руками свернул листок в несколько раз, сунул в карман джинсов, потом достал снова и взгляд его побежал по строчкам, написанным ровным Светкиным почерком, дальше: «Существует ли Дьявол? Как, по-вашему, выглядят черти? Возможно ли их увидеть или они живут только в нашем сознании?» Чем дальше он читал вопросы, тем больше было у него уверенности, что сестра его попала в какую-то секту, и, осознав это, решила на отчаянный шаг. Спустя время, измученный сомнениями, Димка

заснул лёжа на кровати поверх покрывала прямо в одежде, сжимая в руке злополучный «божественный» листок.

Утром, как только открыл глаза, услышал голоса родителей. Мигом оказался на кухне и прямо с порога выпалил:

— Как она?

— Нормально всё, — тихо ответила мать и отвела взгляд в сторону.

— К ней уже можно? Она в какой больнице?

— В Склифе, её сразу туда отвезли.

— Я к ней, — Димка рванул к двери, на ходу приглаживая взъерошенные волосы.

— Умойся хоть, кофе с бутербродом проглоти, — вдогонку бросила мать.

— Дима тебе в школу надо, — вставил отец.

— Да пошёл ты со своей школой, — огрызнулся Димка, но подъезд ответил ему тишиной, видимо предки не слышали его последних слов.

* * *

Светка лежала перед ним бледная как мел, опутанная трубками, доставлявшими в её тело лекарства. Она спала. Димка вот уже пару часов сидел рядом с ней и держал руку сестры в своей руке. Пару раз заходила медсестра, говорила, что

она проспит ещё немного, а он пока может сходить прогуляться на улицу или перекусить в буфете. Но Димка упорно держал сестру за руку и не собирался отпускать, потому что верил в то, что если отпустить, то непременно случится несчастье. В детстве, когда он болел, Светка всегда забиралась к нему в постель, брала его за руку и говорила: «Чувствуешь, Димасик, как тебе наполовину легче стало? Это я к себе часть твоей болячки приманила. Вот пока мы с тобой вместе, она с нами ни за что не справится! Я тебя никогда не брошу, ты это знай!» Димке тогда казалось, что любая боль действительно ослабевала, жар уходил. И всё это потому, что Светка держала его за руку. Сегодня всё было наоборот, сегодня он был её спасителем.

Когда Светка открыла глаза, то улыбка слегка тронула её губы. Она почти неслышно позвала:

— Димасик...

— Тс-с-с-с... — он встрепенулся и зашипел, — тебе нельзя разговаривать, но мне очень нужно кое-что у тебя узнать, поэтому ты мне моргни, если согласна. Ага?

Светка моргнула и чуть сжала его руку.

— Ты как? — он посмотрел на сестру и понял, что задал вопрос не правильно. — Не, не то. Ерунду сморозил. Сейчас... Ты нормально?

Она моргнула.

— Свет, я... ты даже не представляешь, —

Димкин голос задрожал, — ты так больше никогда...

— Обещаю, — прошептала она почти беззвучно.

— Ты это из-за них? — Димка отпустил её руку, достал из кармана листок с вопросами. — Тебя в секту заманили?

Светка помотала головой:

— Курсовые вопросы... опрос надо было провести...

— Блин, вот я идиот, — Димка вздохнул с облегчением, — придурок полный. Прикинь, я вчера, когда этот твой опросник нашёл, я себе такого про тебя напридумывал. А это всего-навсего твоя курсовка. А как же ты её теперь?

Светка посмотрела на него задумчиво и вздохнула.

— А хочешь, я тебе на эти вопросы ответы добуду? Ты же всегда мне домашки помогала делать, а то и вовсе за меня их строчила. Думаешь, у меня не получится? Вот ты бы кого опрашивать стала?

— Я бы к бабушке...

— А бабушка наша... — Димка осёкся, поняв, что сейчас не стоит говорить сестре о том, что вчера звонил дед, и продолжил: — Я хотел сказать, что вот возьму и поеду к бабушке с дедушкой. А что? Да, легко!

Светка посмотрела на брата недоверчиво.

— Завтра же напишу итоговую контрольную, сдам все хвосты, и рвану в деревню. Не веришь? Я тебе обещаю, что привезу тебе оттуда готовую курсовку. Ты только держись, духом не падай. Ага?

Она моргнула в ответ и сжала его пальцы.

— Скоро предки подкатят. Похоже, они сильно перепугались. Так что я лучше пойду к контрольной подготовлюсь, мне же теперь надо ещё и твою журналистскую программу осваивать, — Димка подмигнул сестре. — А ты уж держись огурцом.

Когда он нагнулся, чтобы чмокнуть Светку в щеку на прощанье, она зашептала ему прямо в ухо:

— Завяжи с трейсерами. Обещай, что никогда не прыгнешь! Никогда, слышишь? И думать не смей...

— Обещаю, — Димка поглядел в её, полные слёз, глаза. — Я клянусь!

* * *

Дома за ужином рассказал родителям о дедовом звонке и о своём решении съездить в деревню. Было естественно, что отец сразу же начал возражать, мотивируя тем, что надо сначала закончить учебный год, но получив заверения в том, что «со школой всё будет улажено», сдался.

Мать, казалось, их даже не слушала, она сидела за столом тихо, уставившись в одну точку, затем отодвинула тарелку в сторону и сказала:

— Езжай, конечно. Передай бабушке от нас, пусть поправляется. Подготовишься к отъезду, предупреди, я Борису скажу, чтобы он отвёз тебя.

— Я и на поезде могу, — попытался возразить Димка.

— Борис тебя отвезёт, — оборвала его мать. — Это не обсуждается.

Спустя неделю Димка запаковал всё самое необходимое для жизни в деревне в свой походный рюкзак. Небольшая его ноша приятно оттягивала плечо, когда Димка примерил её на себя. «Вроде всё собрал, ничего не забыл», — подумал он и тут же его взгляд упал на блокнот, лежащий на письменном столе. Димка прицепил к нему ручку и положил на рюкзак сверху, чтобы не забыть.

Утром, когда солнце только-только начало окрашивать облака в розовый цвет, зазвенел будильник. Димка подскочил, словно ужаленный. По-военному быстро привёл себя в «полную боевую готовность», и уже через каких-то полчаса птицей летел вниз по лестнице, навстречу новым впечатлениям.

— Ну, что, брат, с Богом? — спросил Борис и поглядел в зеркало заднего вида.

— Наверно, — пожал плечами Димка, — а ты, дядь Борь, в Бога веришь?

— Не, это вряд ли, — усмехнулся Борис. — Мы же в Союзе выросли, а там с этим строго было. С малолетства все были октябрятами, пионерами, и по совместительству атеистами. И я не исключение.

— А чего же тогда «с Богом» говоришь?

— Ну, это для того, чтобы в дороге с нами ничего не случилось. У меня, видишь, иконка висит. Так надо, брат.

— И что тебе это заклинание с иконкой даёт?

— Да, вроде как ничего не даёт, но на всякий случай всегда произношу. А вот иконку эту мне жена сразу после аварии из церкви принесла. С тех пор кочует она со мной из одной машины в другую, и езжу без происшествий. Машину раз поменял, а иконка дома осталась. Ох, тяжёлая была поездка: непогода, видимость нулевая, самочувствие дрянное. Короче, всё к одному. Так я в тот день, чуть было в кювет не улетел.

— Значит, всё-таки, верующий, — буркнул себе под нос Димка и сделал в блокноте запись: «Дядя Боря, наш водитель — сомнительный атеист. По его словам, веру в Бога у него отшибли в детстве пионерско-комсомольские организации, но, тем не менее, икону с изображением святых в

машине имеет».

— Чего ты там записываешь? — поинтересовался Борис.

— Решил всё путешествие в блокноте запечатлеть, — соврал Димка.

— А чего в блокноте? Светка обычно всё интересное фотографирует и сразу же в сеть кидает. Телефон позволяет, интернет сейчас везде есть.

— Ну, должен же я чем-то от сестры отличаться, — улыбнулся Димка.

— Твоя правда, — согласился Борис и замолчал.

Когда выехали из города, Димка спросил:

— Дядя Боря, а можно я на переднее сидение сяду?

— Нельзя, брат, — сказал Борис. — Анна Степановна не разрешает.

— А чего не разрешает?

— Ну, если вдруг столкновение, то больше страдают те, кто впереди сидит.

— Здравсти, дядь Борь! А на фига тебе тогда иконка? Ты же сам сказал, что пока она тут висит, никаких аварий не будет. А если ничего не случиться, тогда никто и не пострадает. Логично?

— Логично, — рассмеялся Борис. — Подловил ты меня, брат! Сейчас на обочине приторможу, перебирайся ко мне под бок.

С чего всё началось

— Вот, брат, почти и приехали, — Борис слегка притормозил, съезжая с оживлённой трассы на малую дорогу, которая словно змея ползла в сторону гор. — Сейчас доберёмся на машине к подножию вон той махины, нырнём в её нутро, а когда вынырнем, то придётся топтать пешком. Там недалеко идти, а с учётом любования местностью — очень даже близко.

— А до села что, даже дороги нет? А как же продукты в супермаркет завозят? На вертолёте что ли? — Димка тёр глаза.

— Эх, Димка, сразу видно, что ты дальше мегаполиса свой нос не высовывал, — вздохнул Борис. Хотел добавить что-то ещё, но передумал и только махнул рукой. — Сам всё увидишь, как только туннель проедем.

Когда машина, вырвавшись из горных объятий, затормозила у обочины, Димка пулей выскочил наружу.

— Вау, дикая природа! — в руке его моментально появился телефон. Димка без устали жал на кнопку камеры, делая снимок за снимком. Борис наблюдал за подростком с улыбкой. Наконец, произнёс:

— Будет тебе снимать всё подряд. Так тебе никакой памяти не хватит. Опять же, не на один

день приехал, ещё столько впечатлений получишь, на всю жизнь запомнятся. Я по себе знаю: отлично помню тот день, когда первый раз в горы попал. Только это были другие горы.

— А по мне горы различаются только по месту их расположения на карте, и по высоте. А ты, в каких горах был?

— В чеченских, — тихо сказал Борис, протягивая Димке, вынутый из багажника рюкзак. — Надевай, пошли.

— Дядь Борь, я не знал... — Димка пристально смотрел на Бориса. Во взгляде смешались восхищение и любопытство. — Расскажешь?

— На обратном пути, — отрезал водитель. Дружно щёлкнули автомобильные замки, и Борис первым пошёл по заросшей тропинке. Димка, на ходу натягивая лямки рюкзака на плечи, поспешил за ним. Через несколько метров остановился и прокричал в спину:

— Дядь Борь! Я хочу один пойти. Можно?

Борис вернулся. Долго смотрел на Димку, словно изучал, потом сказал:

— Самостоятельным быть хочешь? Уважаю. Только одного понять не могу: куда ты, брат, пойдёшь-то? Ты же понятия не имеешь о том, в какую сторону тебе двигаться. Местность для тебя чужая.